

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Т58

Серия «Бестселлеры Эдуарда Тополя»

Авторские права Эдуарда Тополя защищены. Все перепечатки данной работы, как полностью, так и частично, категорически запрещены без письменного разрешения автора, в том числе запрещены любые формы репродукции данной работы в печатной, звуковой или видеоформе. Любое нарушение закона будет преследоваться в судебном порядке.

Оформление переплета — Ольга Жукова

Тополь, Эдуард Владимирович.

Т58 Юность Жаботинского : [роман] / Эдуард Владимирович Тополь. — Москва : Издательство АСТ, 2019. — 352 с. — (Бестселлеры Эдуарда Тополя).

ISBN 978-5-17-114777-8

Его называли еврейским Гарибальди, пророком, будущим соколом русской литературы, а также «Владимиром Гитлером», ревизионистом, беспочвенным мечтателем и т.д. А он стал одним из основных создателей Государства Израиль и его армии. Исторический роман «Юность Жаботинского» рассказывает о ярком конфликте любви и вождения с призванием и миссией, о юноше, который в двадцатилетнем возрасте решил повернуть вспять весь ход мировой истории, вернуть в Палестину миллионы евреев и возродить еврейское государство Эрэц-Израиль...

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ISBN 978-5-17-114777-8

© Э. Тополь, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Посвящаю Алле — жене, любимой, солнечной...
И памяти моих родителей*

«Правда — это не то, что было или чего не было. Правда есть то, что останется в людской памяти навсегда... это и назовут люди правдой, а все остальное — дым...

Если уж выбирать между “действительностью” и легендой, то лучше верить в легенду».

Владимир Жаботинский

«В основе моего дружеского отношения к Жабо (так мы его звали) лежал глубокий пиетет перед его личностью, его талантами, широчайшими познаниями в истории и судьбах мира».

Вера Вейцман

«Невозможно найти человека, подобного Жаботинскому. Жизнь его была еще более необычной, чем созданные о нем легенды. Понятие “Жаботинский” — неповторимое и единственное в своем роде в истории еврейского народа».

*Анатоль де Монзи,
французский политик и писатель*

Жизнь и деятельность Зеэва Жаботинского изменили историю еврейского народа...

В истории человечества насчитывается немного личностей, победа которых столь редка, ясна и чудесна. Для нас Жаботинский является наставником, носителем нашей мечты. Мы связаны на духовном уровне. Мы никогда не думали, что он может умереть, поэтому мы с легкостью можем сказать, что Жаботинский жив в наших сердцах. В самые тяжелые и великие моменты борьбы за создание государства мы не прекращали спрашивать себя, как в такой ситуации поступил бы Зеэв Жаботинский, какое бы решение принял.

Не только для нас, но для всего еврейского народа, проживающего на Родине и за ее пределами, двенадцатое число еврейского месяца хешвана, дня рождения Жаботинского, является днем духовного подъема, возобновления веры, днем клятвенного обещания идти его дорогой. До конца наших дней мы не прекратим ни на секунду пытаться реализовать его государственную и социальную доктрину.

Зеэв Жаботинский жив!

*Менахем БЕГИН,
премьер-министр Израиля (1977–1983),
лауреат Нобелевской премии,
в 1940-х годах руководитель еврейской
подпольной организации «Иргун»*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Назовите меня снобом, киноманом, да кем вам угодно, но, переехав в 2017 году на ПМЖ в Израиль, я вместо телевизора оборудовал у себя в гостиной домашний кинотеатр. И теперь, когда выпадает свободный вечер, мы с женой ищем в Интернете какой-нибудь замечательный фильм, скажем, «Бумажную луну» Питера Богдановича, «Выпускник» с юным Дастином Хофманом или «Полночь в Париже» Вуди Аллена. И — вся стена нашей квартиры исчезает, открывая волшебный мир прошлого века, совсем, возможно, не такой, каким он был на самом деле...

Я не знаю, любите ли вы кино — настоящее, старое. Но с тех пор, как братья Люмьер с такой же стены, как у меня в квартире, пустили на зрителя паровоз, человечество получило столь высокое кинематографическое образование, что каждый, даже моя кошка, которая посмотрела с нами уже сотню фильмов, может сам поставить кинофильм...

И потому я приглашаю вас нырнуть со мной в прошлое, в самое начало двадцатого века, в раннее утро на рейде черноморского порта Одесса. Один замечательный писатель сказал по этому поводу:

«Если бы можно было, я бы хотел подъехать (к Одессе) на пароходе, летом, конечно, и рано утром. Встал бы перед рассветом, когда еще не потух маяк на Большом фонтане, и один-одинешенек на палубе смотрел

бы на берег. Берег еще сначала был бы в тумане, но к семи часам уже стали бы видны те две краски — красно-желтая глина и чуть-чуть сероватая зелень. Я бы старался отличить по памяти селения: Большой Фонтан, Средний, Аркадия, Малый, потом Ланжерон, а за ним парк — кажется, с моря видна издалека черная колонна Александра Второго. То есть ее, вероятно, теперь уже сняли, но я говорю о старой Одессе.

Потом начинают вырисовываться детали порта. Это брекватер¹, а это волнорез (никто из горожан не знал разницы, а я знал), Карантин и за ним кусочек эстакады — мы на Карантин и плывем, а те молы, что справа, поменьше, те для своих, отечественных пароходиков и еще больше для парусных дубков и просто шаланд и баркасов... В детстве моем еще лесом, бывало, торчали трубы и мачты во всех гаванях, когда Одесса была царицей, потом стало жиже, много жиже, но я хочу так, как было в детстве: лес, и повсюду уже перекликаются матросы, лодчики, грузчики, и если бы можно было услышать, услышал бы лучшую песню человечества: сто языков... Направо стройная линия дворцов вдоль бульвара — не помню, видать ли их с моря за кленами бульвара, но последний справа, наверное, видать, Воронцовский дворец с полукруглым портиком над сплошной зеленью обрыва. И лестница шириной в широкую улицу, двести низеньких барских ступеней, второй такой нет, кажется, на свете... И над лестницей каменный Дюк — протянул руку... “Еще невнятное пророчество рассвета, смарагд и сердолик, сирень и синева...”»

Чьи эти стихи?

¹ Брекватер — насыпь, плотина, запруда в море для удержания напора волн на гавань.

И стихи, и вся эта цитата — несбывшаяся мечта Владимира Жаботинского, писателя и отца-основателя государства Израиль.

Но разве ты, читатель, уже не увидел на своем мысленном экране и этот кораблик на рейде, и одинокую мужскую фигуру у него на носу, и раннее утро, и выплывающую из тумана Одессу его, Жаботинского, детства? «Еще невнятное пророчество рассвета, смарагд и сердолик, сирень и синева...»

И разве великий Жабо не заслужил у нас, евреев, которым после двух тысяч лет изгнания он помог вернуть свое государство, и у русских, которым он подарил свои прекрасные стихи, пьесы и книги, — разве не заслужил он, чтобы если не в жизни, то хотя бы в кино сбылась его мечта?

«Вот я бреду по улицам моего города... — грезил он в своем романе “Пятеро”. — Первый налетел на меня вислоухий ротозей с вытаращенными глазами... На следующем углу опять стоит молодцеватый студент в папахе и “правит движением”, а сам пьян. Зачем правит движением? Так: взбрело на ум, подвернулся угол без городского, а извозчиков со всех сторон масса... На третьем углу, не благоволя меня заметить, прошла, брезгливо сторонясь, холодная синеглазая красавица в наряде богатой и утонченной содержанки — а я знаю, что под бархатом на ней жесткая власяница и еще пояс из колючей проволоки. Если бы царапнуть ее и попробовать языком вкус кровинки — обожжет купоросом...»

С Марусей не на улице будет у меня свидание, мы сговорились встретиться у меня в Лукании...

А над Луканией опять будет полумесяц, пахнет отцветающими цветами, слышится только что отзвучавшая музыка мелодий, которых давно уже нигде не

играют, и опять все будет, как тогда в нашу безбрачную ночь, только говорить надо будет не словами, а думами. Я буду думать о том, какое чудное слово “ласка”. Все, что есть на свете хорошего, все ведь это ласка: свет луны, морской плеск и шелест ветвей, запах цветов или музыка — все ласка. И Бог, если добраться до него, растолкать, разбудить, разбранить последними словами за все, что натворил, а потом помириться и прижать лицо к его коленям, — он, вероятно, тоже ласка. А лучшая и светлейшая ласка называется женщина».

...Что ж, если по самообразованию все мы кинематографисты, то вот вам и фильм, и повесть, и легенда, и сон — юность и любовь Владимира Жаботинского, рискованно смонтированные мной из его жизни, романов и журналистских публикаций.

Часть первая

«ПРЕКРАСНЫЙ РОСТОК ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ»

Лучше Маруси я не встречал девушек на свете. Не могу ее забыть, уже меня упрекали, что во всех моих, между делом, налетах в беллетристику так или иначе всегда выступает она, ее нрав, ее безбожные правила сердечной жизни, ее красные волосы. Ничего не могу поделать...

Владимир Жаботинский

1

ПРЕМЬЕРА

В первый раз он увидел ее в пятницу, одиннадцатого октября 1902 года, в Одесском городском театре на первом представлении пьесы Метерлинка «Монна Ванна». В те годы Морис Метерлинк был самым знаменитым европейским драматургом, его называли бельгийским Шекспиром, его пьесы шли во всех мировых столицах, а право первой постановки «Монны Ванны» он передал Константину Станиславскому. И потому Одесса, которая претендовала на звание южной столицы Российской империи, была так ажиотирована предстоящей премьерой, что газета «Одесские новости» объявила: «В пятницу в Городском театре состоится первое представление прослушиваемой новинки Метерлинка “Монна Ванна”. Вечера открылась продажа билетов на этот спектакль, и ввиду большого спроса решено поставить пьесу и в субботу».

Поскольку треть населения Одессы составляли евреи, первое представление собрало весь еврейский бомонд, и Городской театр со зрительным залом на 1590 мест был переполнен. Хотя по количеству золота в лепных украшениях пятиярусного зрительного зала театр спорил с миланской «Ла Скала» и парижской «Гранд-опера», трудно сказать, где в этот вечер золота было больше — на лепнине стен и потолка или в сотуарах¹, колье и подвесках зрительниц. А огромная бронзовая люстра с хрусталем и первыми в Одессе электрическими лампочками, ради которых неподалеку от театра была построена электростанция переменного тока, — эта двухтонная люстра блекла от зависти, глядя сверху на радужное сияние бриллиантов в ложах и партере.

К сожалению, сам мсье Метерлинк на премьеру не приехал, иначе бы он, автор мирового бестселлера «Жизнь пчел», по достоинству оценил терпкость парфюма, стоявшую в зальной атмосфере. Впрочем, среди достоинств театра, построенного всего четыре года назад, одесский путеводитель начала XX века упоминает прекрасное отопление и летнюю вентиляцию. «Наружный воздух пропускается мимо парусов, обдаваемых водой, которая в знойные дни охлаждается льдом, и затем, посредством нагнетательного вентилятора, приводимого в движение паровой машиной, воздух очищенный и согретый зимою или охлажденный летом, распространяется равномерно по всему театру».

Владимир Жаботинский, известный в городе по его газетному псевдониму «Альталена», — *через неделю*

¹ Сотуар — женское украшение в виде удлиненного ожерелья с кулоном.

ему будет 22 года, но выглядит он на 17, не больше — невысокий темноглазый брюнет с черным чубом над лобастым мальчишеским лицом, с упрямым подбородком и чуть оттопыренной, для важности, нижней губой (что только подчеркивало детское впечатление от всего его облика) — сидел в начале пятого ряда партера, в кресле, обшитом, как и все остальные здешние кресла, красным бархатом. Но главным отличием этого кресла была украшавшая его спинку табличка с гравированной надписью «Г-н Альталена», что свидетельствовало сразу о двух ипостасях его владельца: во-первых, репутации самого популярного одесского журналиста, и, во-вторых, драматурга, чья первая пьеса «Кровь» шла в этом театре год назад, а вторая — «Ладно» готовилась тут к постановке. Рядом с ним сидели его коллеги по газете «Одесские новости»: двадцатилетний голубоглазый, усатый и кудрявый блондин Лазарь Кармен, бытописатель портовых босяков и голытьбы, которого Жаботинский считал талантливей Максима Горького, и двадцатилетний долговязый Николай Корнейчуков, он же — по отцу — Левенсон, он же будущий классик детской литературы Корней Чуковский. А чуть наискось от них, во втором ряду, за взбитыми дамскими прическами и аккуратно подстриженными мужскими затылками, был виден четкий семитский профиль тридцатипятилетнего Израиля Моисеевича Хейфеца, главного редактора «Одесских новостей».

Когда в оркестровой яме музыканты уже заканчивали разноголосую настройку своих инструментов и мужчины в зрительном зале откашлялись, отсморкались, раскланялись друг с другом, а дамы ревниво насмотрелись на чужие наряды и драгоценности, Лазарь Кармен вдруг повернулся к Жаботинскому и громко сказал:

— Жабо, посмотри вправо, на ту рыжую евреечку в третьей ложе: как котенок в муфте!

Действительно, неподалеку от их кресел, в третьей ложе бенуара, своей рыже-огненной прической и схожестью с котенком на конфетной коробке фабрики «Жоржъ Борманъ» выделялась юная красавица с округлым личиком и дерзкими серо-зелеными глазами. Рядом с ней сидела не менее красивая молодая дама лет тридцати семи — сорока. Повернувшись к своей дочке, эта дама показала ей взглядом на Жаботинского и сказала (это можно было понять по губам): «Смотри, Альталена!» А рыжая барышня сделала большие глаза и ответила (это было тоже ясно по ее губам): «Неужели? Не может быть!»

Владимир, еще больше выпятив презрительную губу, тут же отвернулся, но что-то в зеленых фаянсовых глазах этой барышни, столь странных на ее круглом еврейском личике, уже ознобило его душу и легким ударом покачнуло сердце.

Впрочем, в этот момент девятиметровая электрическая люстра под расписным потолком стала медленно гаснуть, великолепный тяжелый бордово-красный и весь вытканый серебром и золотом сценический занавес пошел вверх, и спектакль начался, ступешав опшеломительный укол острых глаз рыжей красотки. Магическое действие драмы Метерлинка захватило сцену и зал:

<Юная, но бедная красавица-венецианка Джованна (актриса Анна Пасхалова) выходит замуж за Гвидо, командира гарнизона итальянской Пизы, презревшего все грязные слухи о своей избраннице.

<Флорентийские войска под водительством генерала Принцивалле осаждают Пизу, горожане бедствуют и умирают от голода.

<Марко, отец Гвидо, отправляется на переговоры с флорентийцами и возвращается с неожиданным ответом: Принцивалле снимет осаду и даже пришлет Пизе продукты, если Джованна придет к нему «ню» и проведет с ним ночь.

<Гвидо в бешенстве, но Джованна считает своим долгом спасти город, пусть даже и ценой своего позора. Легким плащом прикрыв свою прекрасную натуру, она отправляется в стан флорентийцев.

<Там, во время ее ночного, в палатке, разговора с Принцивалле выясняется, что он друг ее детства и боготворит Ванну еще с тех далеких времен. Теперь, когда мечта всей его жизни сама пришла к нему, он готов ради нее оставить свое войско и перейти на сторону Пизы.

<Вдвоем они приходят в Пизу, горожане восторженно встречают свою спасительницу, однако Гвидо не верит, будто Принцивалле так возвышенно любит Джованну, что и пальцем ее не тронул. Гвидо арестовывает Принцивалле, заточает его в подземелье и приказывает сжечь на костре.

<Джованна добывает ключ от подземелья, спасает Принцивалле и свой город...

Красавица Пасхалова идеально подходила на роль Джованны, она была талантливой актрисой с каким-то вулканическим внутренним огнем, который сражал любого мужчину и на сцене, и в зале. Причем сражал не только в переносном, но и в буквальном смысле — три года назад, в 1899 году, ее бывший муж застрелил известного киевского актера Николая Рощина-Инсарова только потому, что, по слухам, тот посмел ухаживать за Анной.

Остальные участники спектакля были не менее хороши, и, как говорят в Одессе, зрители имели свое удовольствие.